

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

А.А. Михайлова

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ТЕОРИЕЙ ФРЕЙМОВ?

Рецензия на книгу: Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 334 с. (Серия «Прагматический поворот»; Вып. 4) ISBN 978-5-94380-117-4

Книга Виктора Вахштайна «Социология повседневности и теория фреймов», изданная Европейским университетом в Санкт-Петербурге, стала интеллектуальным событием, всколыхнувшим российскую академическую социологию. Уже через два года ее было невозможно купить ни в издательстве, ни в книжных магазинах (издательство сообщает, что тираж распродан в 2013 г.), и даже оппоненты Вахштайна из Российского общества социологов сразу же присудили книге второе место в числе лучших научных монографий года.

Вахштайн попытался написать работу, которая была бы интересна одновременно двум очень разным группам читателей: «археологам текстов» (тем, кто предпочитает проводить время в уединенной тиши библиотек, разбирая классические подходы и сопоставляя их с современными) и «труженикам полей» (тем, кто время свое проводит с диктофоном или камерой, описывая социальную действительность, как она есть). Получилось ли у него? Двусмысленность ситуации состоит в том, что этот вопрос имеет непосредственное отношение к самой теории фреймов, но не в той версии, в какой ее излагает Вахштайн.

Книга состоит из двух различающихся стилистически и содержательно частей. Первая часть, очевидно, является переработанной кандидатской диссертацией автора, защищенной в 2007 г. в Высшей школе экономики (Вахштайн 2007). Она состоит из четырех глав, в каждой из которых решается одна из выделенных автором задач:

«Первая стоящая перед нами задача — задача кодификации. Прежде всего, необходимо определить то место, которое теория фреймов занимает среди ресурсов современной социологии повседневности. Это задача предварительной (и неизбежно схематичной) разметки понятийного пространства.

Вторая задача — задача историко-теоретической реконструкции... Решение этой задачи потребует от нас анализа словаря теории фреймов И. Гофмана и ее современных интерпретаций.

Михайлова Анна Александровна — аспирант, независимый исследователь, г. Вильнюс, Литва (phenomenoumen@mail.ru)

Mikhailova Anna — PhD Candidate, Independent Researcher, Vilnius, Lithuania (phenomenoumen@mail.ru)

Третья задача — проверка теории на самореферентность.

Наконец, четвертая задача — задача концептуализации... Для того чтобы вернуть теорию в “живое настоящее” дисциплины, необходимо произвести повторную концептуализацию ряда ее понятий, обозначить перспективы развития и — что особенно важно — возможности ее использования в “прикладном теоретизировании”...» (с. 40–41).

Отметим, что две главы из первой части были опубликованы автором еще до выхода книги (Вахштайн 2003; Вахштайн 2008) и носят выраженный полемический характер. В одной из них Вахштайн пытается вырвать теорию Эрвина Гоффмана из рук интеракционистов и всех тех, кто наивно причисляет его к этому направлению — видимо, здесь имеется в виду предисловие А. Ковалева к книге И. Гоффмана «Представление себя другим в повседневной жизни» (Ковалев 2000). В другой главе автор затевает новую полемику, противопоставляя теорию фреймов теории практик (Волков, Хархордин 2008). Следует предположить, что помимо перечисленных Вахштайном четырех задач первой части книги у нее есть еще одна — возбуждение теоретического интереса, вовлечение в дискуссию наиболее значимых для него российских теоретиков.*

Третья глава — отголоски полемики В. Вахштайна с целой плеядой российских социологов, не принимающих его «эпистемологической аксиоматики» (Вахштайн 2009; Корбут 2009; Кузьминов 2010; Журавлев и др. 2010). Здесь Вахштайн бросает вызов социологии науки, которая интересуется исключительно социальной рецепцией социологических идей, вынося за скобки сами идеи. «Отличительный признак рецепционистской перспективы, — пишет Вахштайн, — аргументация “от социальных обстоятельств”, т. е. наделение чрезвычайным значением самих обстоятельств усвоения идей будущего классика. Так, становление школы Э. Дюркгейма (и вместе с ней — успешная институционализация социологии во Франции) объясняется политической близостью Дюркгейма к лагерю “оппортунистов”, занимавших промежуточные позиции между “либеральными прогрессистами” и “консервативными католическими кругами” (Wagner 1995). Не менее характерным для данной логики анализа представляется аргумент Вольфа Лепениса: Дюркгейм сумел занять выгодную позицию в деле Дрейфуса, и это в немалой степени способствовало росту популярности социологизма (Lepenies 1988)» (с. 111). И сразу же подытоживает: «Поиск скрытых социальных сил, стоящих за исследуемым предметом, и определяющих его подлинную (т.е., социальную) сущность — это визитная карточка социологии, отличительная черта социологического рассуждения» (с. 112).

Вахштайновская критика социологизма спровоцировала множество откликов, каждый из которых по-своему реабилитировал логику рецепции. Мало кто всерьез отнесся к альтернативе, предложенной Вахштайном в «Теории фреймов». Потому что в книге (в отличие от полемики на сайте Polit.ru) такой альтернативой называется не эпистемологический анализ, а... теория фреймов Э. Гоффмана — одного из самых последовательных социологов в истории

* И полемика с В. Волковым на страницах журнала «Социологическое обозрение» показывает, что как минимум на 50 % эта задача была выполнена.

социологии! Сам Вахштайн предлагает называть фрейм-аналитическую логику логикой репрезентации: «До определенной степени альтернативой логике рецепции является логика репрезентации... Основной методологический императив данной логики — объяснение социального как связи повседневных и неповседневных миров, мира идей и мира их социального обращения. Для исследования этой связи нами и привлекается тезис о знаковой природе классичности: имя классика понимается как “заместитель” его концепций в повседневном обиходе науки, сами же концепции принадлежат не повседневным порядкам коммуникации, а миру научной теории» (с. 118).

Если Вахштайн прав, то мы должны анализировать рецепцию его книги не как результат действия некоторых социальных сил, а исключительно как производную от теоретического аргумента, изложенного в самой книге. Однако как раз это «эпистемологическое» требование и противоречит логике фрейм-анализа. Опираясь на теорию фреймов — правда, не в вахштайновском, а в более традиционном прочтении (Яноу, ван Хульст 2011) — мы можем выделить фреймы контекстуализации «Теории фреймов» как высказывания, анализируя характер его цитирований. Само по себе это утверждение является общим местом в социологии академической коммуникации: работа с цитированиями необходима для трансляции фрейм-анализа в социологию науки. Это не означает, что мы не должны работать с содержанием изложенного в книге аргумента. Но если мы видим, что три из четырех глав первой части представляют собой полемические высказывания, главным предназначением которых является брэндинг, маркетинг и агрессивный пиар теории фреймов? Должны ли мы пренебречь этим наблюдением просто из страха оказаться социологами?

Более того. Современная теория фреймов позволяет, например, различить *дискурсивный* (Яноу, ван Хульст 2011) и *институциональный* (Snow, Benford 1992) фрейминг. «[Дискурсивное] фреймирование — пишут Д. Яноу и М. Ван Хульст, — это процесс, в котором акторы одновременно создают значения событий / ситуаций и регулируют свое поведение в данных событиях / ситуациях сообразно присвоенным им значениям. В сфере принятия политических решений создание и использование значений является скорее публичным, нежели частным действием. Здесь фреймирование предполагает (ре)конструирование проблем посредством отбора, категоризации, именованя и повествования. В то же время фреймирование закладывает когнитивные основания, условия возможности будущих действий» (Яноу, ван Хульст 2011: 94). Институциональное фреймирование — это более широкая рамка, предполагающая анализ тех журналов, в которых появлялись ссылки на книгу. Иными словами, теория фреймов — действительно прекрасно объясняет «Теорию фреймов», но не так, как хотелось бы ее автору.

После трех полемических глав первую часть завершает глава, посвященная реконцептуализации основных теоретических конструктов фрейм-анализа с учетом «поворота к материальному» и акторно-сетевой теории (Латур 2007; Ло 2006). Вахштайн делает это интересно и увлекательно, ни с кем не полемизируя, а работая исключительно с конкретным наблюдаемым феноменом — жестом пассажира прогулочного катера на Москве-реке. Спад полемического

накала идет на пользу изложению. Книгу становится можно читать без предварительного знания обо всех атаках и контратаках в среде российских социологов, линия рассуждения явно продолжает традицию теоретизирования, представленную в России работами А.Ф. Филиппова (Филиппов 2003; 2005). Характерно, что изменение дискурсивной логики повествования проявляется и в изменении характера эпиграфа. Теперь в эпиграф вынесены не куски из переписки с коллегами, не фрагменты Книги Бытия и не подписи к картине в Эрмитаже, а (весьма загадочная) цитата из «Философских исследований» Витгенштейна: «434. Жест пытается, скажем так, создать образец, но это не удается» (с. 143). Стоит отметить, что именно этот фрагмент теоретической части почему-то пользуется наименьшим спросом у цитирующих. На него практически нет ссылок: «Вахштайн пытается создать образец, но это не удается».

Вторая часть книги ничем не похожа на первую. Опубликованные здесь работы далеки и от теоретической полемики, и от исследовательских отчетов, их никак нельзя назвать эмпирическими, хотя речь в них идет о конкретных исследовательских проектах — изучении фреймов голосования (глава 1), анализе фреймов телепросмотра (глава 2), исследовании фреймов публичного пространства (глава 3). Автор даже не пытается сделать вид, что излагает эмпирический материал (хотя цитат из интервью, карт включенного наблюдения, публицистических статей, «живых журналов», а также фотографий и статистических таблиц во второй части хватает). Для него это не более чем «эмпирическая иллюстрация». Каждый такой фрагмент начинается с описания существующих в данном исследовательском поле «концептуализаций» с последующим протаскиванием на это поле — электоральных исследований, медиа-исследований, изучения поведения в публичных местах — теории фреймов. В каждой из глав мы видим один и тот же ход: вот так проблема ставится в существующем поле, а вот, что мы можем увидеть — в феноменах волеизъявления, медиа-потребления или городского пространства — если воспользуемся теорией фреймов. Как это все согласуется с утверждением автора о неприменимости теории? С его представлением об эмпирической работе как о продолжении концептуализации иными средствами? О «неинструментальном» характере концепций как языков?

Мне кажется, именно поддавшись искушению использовать теорию фреймов как инструмент экспансии на смежные территории, Вахштайн начал противоречить самому себе. Но не в той части, где он отстаивает «тезис о неинструментальности теории». (Если бы он противоречил себе в этом аспекте, вторая часть книги представляла бы собой компиляцию нескольких исследовательских отчетов, в которых фрейм-анализ использовался бы для сбора данных.) Нет. Противоречие возникает при сопоставлении «Теории фреймов» с другой работой, написанной В. Вахштайном в соавторстве с Д. Куракиным и Д. Константиновским (Константиновский, Вахштайн, Куракин 2010), где авторы доказывают, что *прямая и непосредственная связь теории и эмпирии принципиально невозможна*. Между этими областями нужно строить мост операционализации, методологического перевода: «В основе предложенного здесь видения концептуальной работы лежит имплицитная метафора концепции как перевода. Об

этом уже шла речь, когда говорилось о “трудностях перевода” при формулировке основных концептуальных положений. Однако переводом с языка заказчика на язык исследования (и обратно) эта метафора не ограничивается. Практически любое действие в процессе создания концепции можно проанализировать как перевод: с языка объекта на язык концептов, с языка одной концептуальной схемы на язык другой, с языка концептуальных схем на язык оперантов и т. п. Теоретическая работа, ограниченная весьма жесткими и узкими рамками прикладного исследования, обнаруживает свою специфику именно в такой “переводческой” деятельности. Так происходит, прежде всего, потому, что сама сфера теории — область концептов — представляет собой относительно замкнутый, обладающий своей особой логикой “мир идей”, специфическую языковую игру, недоступную непосредственному пониманию и требующую “перевода”» (Константиновский, Вахштайн, Куракин 2010).

Сформулирую этот тезис иначе, в терминах фрейм-анализа: теоретическая дискуссия и эмпирическое исследование — два разных фреймворка (две системы фреймов). Содержание одного из них может стать содержанием другого только при условии соответствующей работы переключения (гофмановский “keying” — Гофман 2003: 62), который Вахштайн переводит как «транспонирование», усиливая исходную музыкальную метафору). Но как раз никакого переключения в книге нет. Между первой и второй частью книги пропущено важное связующее звено — глава, где было бы показано, как именно производится методологическая инструментализация теории. Композиция же «Теории фреймов» наводит на мысль, что теория вступает с эмпирическим миром в контакт непосредственно, без всякого перевода.

Уже после выхода книги Вахштайн опубликовал еще несколько работ по теории фреймов, каждая из которых представляет собой сознательную инфльтрацию фрейм-теории на новые дискурсивные поля и в новые исследовательские сферы: в социологию архитектуры (Вахштайн 2013а), политическую философию (Вахштайн 2013б), экзистенциальную философию (Вахштайн 2011) и даже в социологию игрушек (Вахштайн 2013с). Но все эти статьи представляют собой развитие и продолжение того, что было сказано в «Теории фреймов».

Какой бы ни была дальнейшая судьба книги, она останется в истории российской социологии как интересный эксперимент, полемический вызов коллегам-теоретикам и одновременно — просветительский десант в область конкретных прикладных исследований.

Литература

Вахштайн В.С. Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение, 2003, 3(4), с. 104–118.

Вахштайн В.С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2007.

Вахштайн В.С. «Практика» vs. «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение, 2008, 7(1), с. 65–95.

Вахштайн В.С. Конец социологизма: перспективы социологии науки // Полит. ру. Лекции. 6 августа 2009 [http://www.polit.ru/article/2009/08/06/videon_vahshtain/]. Дата доступа 15.12.2014.

Вахштайн В.С. На краю привычного мира: события и их фреймы // Социологическое обозрение, 2011, 10(3), с. 79–94.

Вахштайн В.С. Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью // Новое литературное обозрение, 2013а, 3(121), с. 93–110.

Вахштайн В.С. Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти, 2013b, 4, с. 13–44.

Вахштайн В. К микросоциологии игрушек: сценарий, афорданс, транспозиция // Логос, 2013с, 2 (92), с. 3–37.

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: ЕУСПб, 2008.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Журавлев О., Вендило И., Кондов Д., Савельева Н. Спор о «социологизме» // Неприкосновенный запас, 2010, 19(69) [<http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/ve19.html>]. Дата доступа 15.12.2014.

Земнухова Л.В. Взаимодействие человека и компьютера через призму формальной социологии // Социология власти, 2013, 1–2, с. 111–121.

Ковалев А.Д. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. Реальность образования и исследовательские реальности. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010.

Корбут А.М. Новый эпистемолог, или Игла познания // Политр. ру. 18 сентября 2009. [<http://www.polit.ru/article/2009/09/18/socdisc/>]. Дата доступа 15.12.2014.

Кузьминов В.Я. Социологизм и социология знания // Полит. ру. 29 июля 2010. [<http://www.polit.ru/article/2010/07/29/sociologisme/>]. Дата доступа 15.12.2014.

Латур Б. Об интеробъективности / Пер. с англ. А. Смирнова, В. Вахштайна // Социологическое обозрение, 2007, 6(2), с. 79–96.

Ло Дж. Объекты и пространства / Пер. с англ. В. Вахштайна // Социологическое обозрение, 2006, 1, с. 25–30.

Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003.

Филиппов А.Ф. К теории социальных событий // Логос, 2005, 5 (44), с. 3–28.

Яноу Д., ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Пер. с англ.: К. Ткачева, В. Вахштайн // Социологическое обозрение, 2011, 10(1–2), с. 87–113.

Lepenies W. *Die Drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1988.

Snow D., Benford R. Master frames and cycles of protest, in: *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Wagner G. Emile Durkheim und Der Opportunismus, *Jahrbuch für Soziologiegeschichte*, 1995.